

Пушкинъ и Новороссійскій край ¹⁾.

Члена историко-филологическаго общества А. И. Марневица.

Приближеніе столѣтія со дня рожденія величайшаго поэта нашего А. С. Пушкина возлагало на всѣхъ сколько-нибудь прикосновенныхъ къ исторіи русской литературы лицъ обязанность принять участіе въ торжественныхъ о немъ поминкахъ. Обязанность эта пріятная, ибо нельзя не сочувствовать тому литературному празднику праздниковъ, который нынѣ такъ оживляетъ всю грамотную Россію; но обязанность эта и трудная: жизнь и произведенія Пушкина настолько извѣстны нашему образованному обществу и столь часто были оцѣниваемы въ сочиненіяхъ выдающихся критиковъ и публицистовъ, что въ торжественный день, посвященный его памяти, просто невозможнымъ представляется избрать для рѣчи, произносимой передъ такимъ обществомъ, какое я имѣю честь теперь видѣть передъ собою, тему, которая отличалась-бы новизною или оригинальностью. Я внимательно слѣдилъ за литературой о Пушкинѣ во дни, предшествовавшіе настоящему празднеству, и съ грустной ироніей долженъ сказать, подражая Лессингу, что, хотя о Пушкинѣ въ послѣднее время было напечатано много новаго и много интереснаго, но — то, что интересно, уже не ново, а что ново, то совершенно неинтересно.

Въ виду такого положенія дѣлъ мнѣ оставалось лишь въ дѣятельности Пушкина найти моменты, о которыхъ умѣстно было-бы напомнить во время празднованія памяти его здѣсь, въ Одессѣ, культурномъ центрѣ Новороссіи, а именно — хотя-бы въ краткихъ чертахъ указать значеніе, какое имѣлъ Новорос-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета и ученыхъ обществъ 27-го мая 1899 г.

сійскій край въ жизни нашего величайшаго поэта, и, насколько это доступно, выяснитъ вліяніе, какое онъ оказалъ на Новороссію.

Недобровольный прїѣздъ Пушкина на югъ Россіи состоялся весною 1820 года. Въ это время Пушкинъ уже былъ высоко цѣнимъ въ кружкахъ нашихъ вліятельныхъ тогда литераторовъ; замѣтили его, къ сожалѣнію, и еще болѣе важныя сферы; но большой публикѣ онъ въ сущности былъ мало извѣстенъ; довольно напомнить, что первое доставившее ему крупную популярность произведеніе — «Русланъ и Людмила» — окончено было имъ уже на Кавказѣ, а напечатано въ бытность Пушкина въ Кишиневѣ. Бойкія эпиграммы и нецензурныя произведенія и не могли получить въ то время очень широкаго распространенія; и Пушкинъ, кажется, раньше сталъ извѣстенъ крупными шалостями, нежели мелкими стихотвореніями. Между тѣмъ, уѣзжая изъ Одессы (тоже недобровольно) лѣтомъ 1824 г. на сѣверъ, Пушкинъ былъ уже знаменитымъ поэтомъ, даже болѣе популярнымъ, чѣмъ впоследствии. На югѣ созданы лучшія его поэмы и лирическія произведенія, и матерьялъ для нихъ былъ доставленъ Пушкину главнымъ образомъ этимъ-же югомъ, т. е. Новороссіей.

На это, разумѣется, имѣлись свои причины, для выясненія которыхъ я и позволю себѣ сдѣлать краткій абрисъ того, чѣмъ былъ въ это время югъ Россіи, гдѣ Пушкину довелось прожить четыре года, самыхъ поэтическихъ въ его жизни.

Новороссійскій край такъ сравнительно недавно вошелъ въ составъ Россіи, что во времена Пушкина въ немъ еще сохранялось очень много чертъ, рѣзко выдѣлявшихъ его изъ всего государства; именно эти-то черты и отразились лучше всего въ поэзіи Пушкина.

На югѣ отъ предѣловъ Малороссіи, въ то время уже достаточно населенной и не бѣдной культурнымъ обществомъ (припомнимъ, напр., Каменку Раевскихъ, находившуюся почти на границѣ Новороссіи), лежали широкія, почти безлюдныя Новороссійскія степи, такъ недавно еще бывшія мѣстомъ борьбы Запорожья и татаръ. Теперь объ этомъ не было и рѣчи; но въ степяхъ Новороссіи все-же было далеко небезопасно: здѣсь укрывались бѣглецы и формировались шайки разбойниковъ, дѣлавшія проѣздъ или пребываніе здѣсь довольно рискованными

По степямъ были кое-гдѣ разбросаны города и села, но большинство городовъ тоже напоминало села, какъ напоминаетъ ихъ и въ настоящее время. Екатеринославъ, нѣкогда предназначенный служить столицею обширнаго Новороссійскаго края и своими памятниками затмить самый Римъ, не вышелъ изъ положенія маленькаго и неблагоустроеннаго городка, въ которомъ среди бѣлаго дня могли убѣжать скованные парами разбойники; немногимъ отличались отъ него и другіе города Новороссіи — кромѣ Одессы, о которой мнѣ предстоитъ говорить особо.

Тѣмъ не менѣе край этотъ уже былъ русскимъ, порядки въ немъ вообще были русскіе, и особенности его не могли такъ рѣзко бросаться въ глаза, какъ особенности тѣхъ мѣстностей, которыя вошли въ составъ государства значительно позже, чѣмъ Новороссія, и строй которыхъ во многомъ еще не былъ русскимъ.

Мѣстности эти: Кавказъ, Крымъ и Бессарабія.

О Кавказѣ мнѣ не приходится очень распространяться; въ сущности, во время перваго пребыванія на югѣ Россіи Пушкинъ на Кавказѣ не былъ; онъ остановился въ Предкавказіи, на группѣ минеральныхъ водъ. Величественныя кавказскія горы видѣлъ онъ лишь издали. А то, что нынѣ придаетъ особую красоту этой группѣ, сдѣлано было уже во времена гр. Воронцова. Но все-же на путника, явившагося сюда съ сѣвера, могли произвести впечатлѣніе и такія горы, какъ Бештау. Предкавказье могло представить своимъ климатомъ значительный контрастъ съ петербургскимъ, а, главное, въ окрестностяхъ Пятигорска путешественникъ могъ еще основательно познакомиться съ бытомъ черкесовъ, столь отличнымъ отъ русскаго, могъ видѣть борьбу ихъ съ нами, могъ даже лично испытать опасность пребыванія въ этой мѣстности. Извѣстенъ случай, когда, спустя свыше 20 лѣтъ послѣ пребыванія Пушкина въ Предкавказіи, гр. Воронцовъ со всѣмъ высшимъ кавказскимъ обществомъ чуть не сталъ во время бала въ Кисловодскѣ добычею неожиданно набѣжавшихъ черкесовъ. Во всякомъ случаѣ страна эта была еще мало похожа на Россію, и вольный образъ жизни здѣшняго населенія могъ дать достаточно матерьяла для поэтическихъ произведеній.

Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи лишь за 37 лѣтъ до пріѣзда сюда Пушкина. Хотя великолѣпный князь Тавриды и его сотрудники ввели здѣсь русскіе порядки, но они были, если можно такъ выразиться, поверхностными, ибо управляемое населеніе было нерусское. Главную массу составляли татары, рѣзко отличавшіеся образомъ жизни отъ русскихъ, а обширныя, разданныя въ Крыму высокопоставленнымъ лицамъ имѣнія или лежали пустыми, или колонизованы были людьми самыхъ разнообразныхъ національностей и меньше всего русскими. Административный центръ Крыма — Симферополь былъ небольшой грязноватый городокъ; Севастополь и не думалъ о своемъ послѣдующемъ значеніи; правда, Феодосія была немаловажнымъ торговымъ пунктомъ, мечтавшимъ даже о конкуренціи съ Одессой, но на внѣшнемъ видѣ ея это отражалось весьма мало; въ еще ббльшей степени то-же можно сказать о Керчи. Казалось-бы, что Крымъ тогда былъ мѣстностью мало интересною, тѣмъ болѣе, что не были еще приложены труды гр. Воронцова къ благоустройству южнаго берега; не было ни его прекраснаго шоссе, ни многочисленныхъ красивыхъ дачъ.

Но мы, одесситы, смотрящіе нынѣ на южный берегъ Крыма, какъ на наши дачныя мѣста, и легко совершающіе туда экскурсіи, хорошо знаемъ поэзію Крыма, и притомъ поэзію вѣчную. Его омываетъ море, одинаково чудное и въ тихую, и въ бурную погоду и незнакомое сѣверянамъ. Море это необыкновенно гармонируетъ и съ южнымъ небомъ, и съ невысокими малолѣсистыми горами. Горы даютъ возможность развиться на южномъ берегу поэтической растительности кипарисовъ и магнолій, совершенно необычной для сѣвернаго жителя, который найдетъ здѣсь въ изобиліи и янтарный виноградъ, еще такъ недавно, на моей памяти, представлявшій величайшую рѣдкость даже въ Малороссіи, куда его привозили изъ Крыма въ арбахъ на верблюдахъ въ очень помятомъ видѣ и продавали по баснословно дорогой цѣнѣ. На дикомъ южномъ берегу уже были построены кое-гдѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ дачи, напр. дюкомъ де-Ришелье возлѣ Гурзуфа, а между дачами, часто надъ морскимъ берегомъ, вились тропинки, приводившія путника то къ глубокимъ таинственнымъ ущельямъ, то къ веселымъ полянамъ, то къ кипарисовымъ рощамъ. Пріѣзжій въ Крымъ могъ любоваться поразительною по красотѣ панорамою, открываю-

щюся изъ Георгіевскаго монастыря, могъ проѣхать въ глубь полуострова и посѣтить своеобразный татарскій Бахчисарай съ пустыннымъ, но полнымъ поэзіи дворцомъ, могъ дивиться загадочнымъ памятникамъ Чуфуть-Кале или Мангуца, а на другой сторонѣ Крыма развалинами Судака или керченскими курганами.

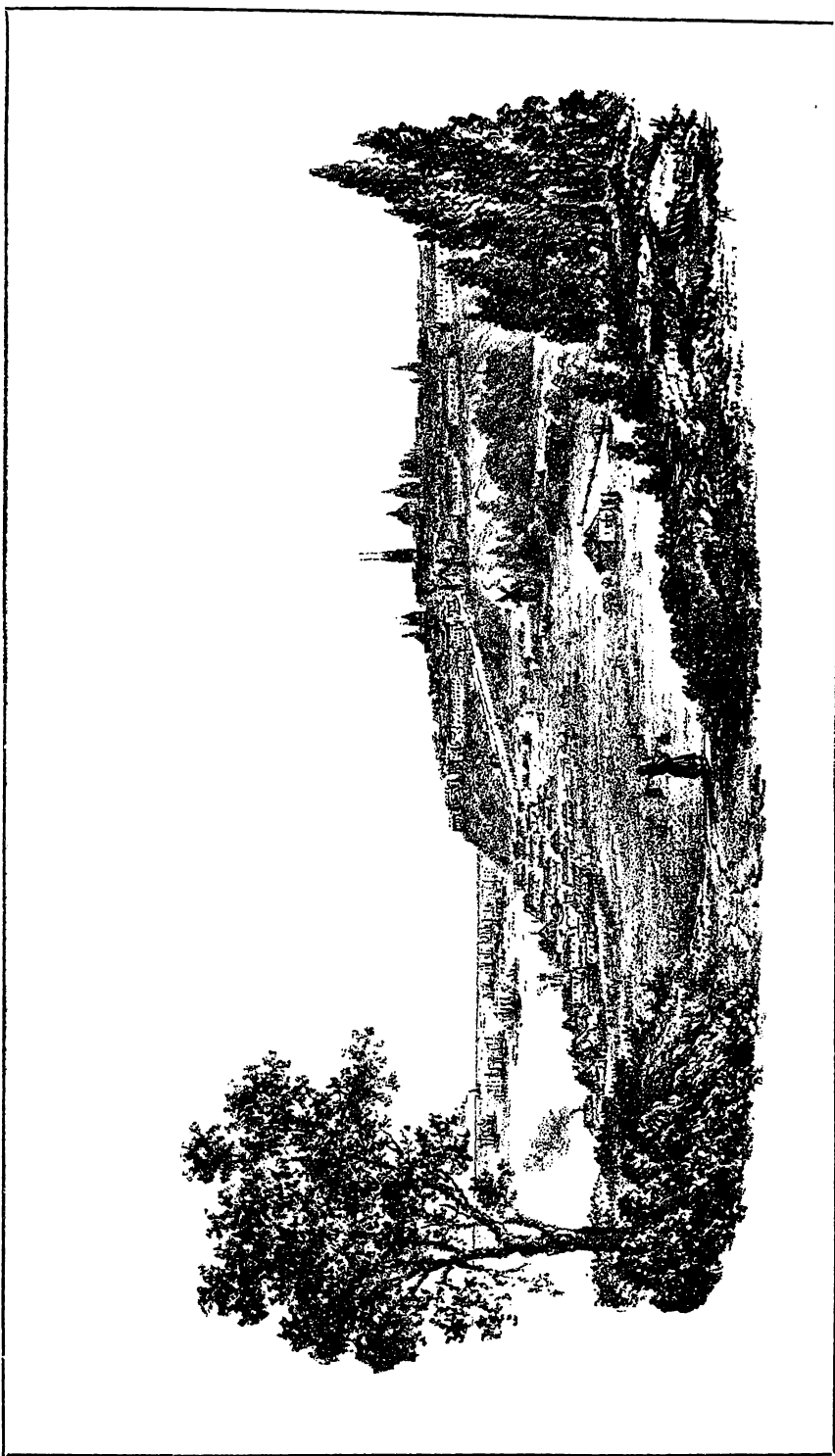
Совершенно другую картину представляла въ то время Бессарабія. Она была присоединена къ Россіи лишь за 8 лѣтъ до пріѣзда сюда Пушкина, почему не могла не имѣть обособленнаго характера. Правда, она и до формальнаго присоединенія къ Россіи находилась въ нашихъ рукахъ лѣтъ шесть; но и это немного, да мы и не предпринимали тогда ничего для ея реорганизаціи. Несмотря на то, что въ Бессарабіи было не болѣе 40,000 семействъ, она послѣ присоединенія къ Россіи не превратилась въ обыкновенную губернію, а, по благосклонному отношенію къ извѣстнымъ политическимъ порядкамъ Императора Александра I, управлялась сходно съ Финляндіей или Польшей. Небольшая гористая часть сѣверной Бессарабіи населена была малороссами; но затѣмъ вся остальная область, какъ центральная — волнистая, такъ и южная, равнины которой представляютъ продолженіе Новороссійскихъ, населена была молдаванами, образъ жизни которыхъ хотя и болѣе схожъ съ русскимъ (точнѣе — съ малорусскимъ), нежели черкесскій или татарскій, но все-же имѣетъ и значительныя отличія. Сверхъ того въ Бессарабіи, преимущественно южной, какъ и во всей Новороссіи, поселено было множество разнообразныхъ колонистовъ, особенно болгаръ; оставались отъ турецкихъ временъ греки и армяне, а по степямъ Бессарабіи часто кочевали цыганскіе таборы; словомъ, и эта страна была для кореннаго русскаго совершенно необычная.

Бессарабія, можетъ быть, не столь поэтична, какъ южный берегъ Крыма. Поэзія Новороссійскихъ степей (впрочемъ, вдохновившихъ Мицкевича) требуетъ большой къ нимъ привычки, тогда какъ море, горы, роскошная растительность чаруютъ сразу. Но Бессарабія имѣла еще одну особенность: среди ея небольшихъ городовъ, зачастую сохранившихся еще въ турецкомъ видѣ, былъ Кишиневъ — городъ тоже небольшой и грязноватый, но не лишенный характера столицы. Здѣсь былъ довольно самостоятельный Верховный Совѣтъ, крупныя административныя власти съ цѣлой свитой чиновниковъ, бѣльшею частью моло-

дыхъ и образованныхъ; здѣсь находилось управленіе расположенными въ Бессарабіи войсками, съ весьма образованными-же офицерами генеральнаго штаба. Во главѣ края стоялъ генер. Инзовъ, извѣстный своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ, и въ томъ числѣ къ Пушкину; у Инзова и у другихъ офицеровъ были прекрасныя бібліотеки. Въ Кишиневѣ-же былъ значительный слой молдавской знати, можетъ быть, и недостаточно культурной въ дѣйствительности, но не лишенной того вишняго налета, который дается заграничнымъ воспитаніемъ и политическимъ значеніемъ. Здѣсь дамы держали себя аристократками. Все это окрашивало кишиневскую жизнь какою-то необычною для русской провинціи свѣтскостью: жизнь была ключомъ, процвѣтала флиртъ, затѣвались интриги, доводившія до дуэлей, велась крупная игра; но зато здѣсь жили и политическими интересами, устраивались не только масонскія ложи, но даже прямые заговоры: начиналось возстаніе угнетенныхъ балканскихъ народностей противъ турокъ. Здѣсь зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ западной Европѣ, и не могли помириться съ фактомъ, что за Прутомъ уже иное государство, тѣмъ болѣе, что народъ былъ одинъ и тотъ-же; многіе помѣщики владѣли и тамъ и здѣсь имѣніями. Кишиневъ и Яссы казались двумя половинами одного цѣлага.

Наконецъ, на самой окраинѣ государства и Новороссіи находилась еще одна точка, которая по характеру жизни довольно рѣзко отличалась отъ остальной Россіи. Это была наша Одесса. Когда культурные и преимущественно коммерческіе интересы государства потребовали, чтобы на южной окраинѣ его было прорублено новое окно за границу, менѣе тусклое, чѣмъ Петербургъ, выборъ нѣсколькихъ разумныхъ администраторовъ палъ на Гаджибей — Одессу, которая, особенно благодаря заботамъ приснопамятнаго дюка де-Ришелье, стала центромъ Новороссіи. Обладая великими организаторскими способностями, де-Ришелье развилъ въ бывшей очаковской степи широкую иностранную колонизацію и въ молодую Одессу привлекъ массу иностранцевъ-же, трудами которыхъ она естественно приняла видъ обыкновеннаго для нихъ западно-европейскаго города, и притомъ, по желанію герцога, очень веселаго. Развитію Одессы помогли и политическія обстоятельства, сдѣлавшія изъ нея единственные ворота для торговыхъ сношеній Россіи съ западной Европой. Прием-

Табл. IV.

Видъ Одессы времянь Пушкина

(съ современной антропографіи).

никъ и послѣдователь де-Ришелье гр. Ланжеронъ, осуществляя его предначертанія, сдѣлалъ Одессу какъ умственнымъ центромъ Новороссіи, устроивъ здѣсь Ришельевскій лицей, такъ и «дешевымъ городомъ» — вслѣдствіе учрежденія порто-франко. Съ того времени значеніе Одессы, какъ культурнаго центра Новороссіи, и притомъ очень своеобразнаго, не похожего на другіе крупныя центры Россіи, было надолго обезпечено.

Что же однако представляла собою Одесса ко времени пребыванія въ ней Пушкина?

Городъ былъ еще весьма невеликъ. Хотя онъ занималъ мѣсто нынѣшнихъ лучшихъ его частей, въ предѣлахъ внѣшняго бульвара, но сохранившіеся рисунки 20-хъ годовъ показываютъ, что дома, даже на главной тогда улицѣ Одессы — Ришельевской, были небольшіе и рѣдкіе и перемежались съ хлѣбными магазинами, особенно частыми и большими на окраинахъ города. Предмѣстья Одессы — Пересыпь и Молдаванка, отдѣлялись отъ нея пустырями и, хотя тоже были частью застроены, но скорѣе походили на села, нежели на отдѣлы города. За Преображенскою улицею, отъ такъ назыв. «Чуднаго дома», уже начинались пустыри, среди которыхъ построены были дома нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, напр. гр. Потоцкаго (нынѣ архіерейскій), а еще далѣе — обширная усадьба Нарышкиныхъ (нынѣ домъ, подаренный городу г. Маразли, и мѣсто, ему еще принадлежащее, а также то мѣсто напротивъ ихъ, гдѣ застраивается цѣлая часть города, съ университетскими клиниками включительно). На Херсонской улицѣ было нѣсколько недурныхъ домовъ, напр. негоціанта Ризнича; но далѣе шли хлѣбныя магазины, и расположены были большія зданія городской больницы. Соборъ уже существовалъ, и была застроена мѣстность по Дворянскую улицу, а затѣмъ шли плохіе домики и пустыри, среди которыхъ начиналась постройка Института. Дерибасовская улица, хоть и существовала, но приобрѣла нѣкоторое значеніе лишь съ того времени, когда на углу ея и Преображенской улицы поселился начальникъ края гр. Воронцовъ. Дерибасовскій городской садъ, примыкавшій къ зданіямъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и въ то время не былъ особенно посѣщаемъ. На той-же улицѣ были расположены зданія Ришельевского лицея, сохранившіяся донинѣ среди дома Вагнера. Бульвара еще не было, но мѣсто подъ него, занятое растительностью, гдѣ еще недавно

можно было охотиться, уже начали расчищать, для чего сломаны были остатки турецкой крѣпости; не было ни памятника де-Ришелье, ни гранитной лѣстницы къ морю, ни ряда домовъ на бульварѣ, ни дворца гр. Воронцова, ни зданія городской думы, ни прежняго зданія музея Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Въмѣсто этого были зданія одесской таможни и карантина и казармы. Внизу бульвара былъ портъ, представлявшій конечно только слабый очеркъ нынѣшняго; зато море въ то время было для одесситовъ гораздо доступнѣе. На нынѣшней Театральной площади стоялъ театръ, мѣстность вокругъ котораго была завалена камнями отъ развалинъ бывшаго дома де-Ришелье, а въ началѣ Ришельевской улицы находилась популярная кофейня.

Улицы въ Одессѣ были еще немощеныя; поэтому осенью она тонула въ грязи, а лѣтомъ купалась въ облакахъ пыли. Правда, въ 20-хъ годахъ начали ее замащивать по модной тогда системѣ Макъ-Адама, но, какъ матерьялъ для мостовой, употребляли мѣстный камень — и результаты оказались чрезвычайно плачевными. На моей еще памяти экипажи, загрузшіе въ грязи на Преображенской улицѣ, противъ зданія университета, вытаскивались волами; обыватели незамощенныхъ частей города во время грязи переѣзжали на жительство въ теченіи нѣсколькихъ недѣль въ гостинницы или къ знакомымъ въ болѣе благоустроенныя части города. Вспоминалось тогда, какъ запиралась цѣпями Почтовая улица, ибо проѣздъ по ней во время грязи могъ грозить гибелью; да и Дерибасовская улица была въ этомъ отношеніи небезопасною. Овраги, пересѣкающіе Одессу, были особенно грязными, и черезъ нихъ проложены были жалкіе мостики. Пыль была такова, что я разъ, уронивъ на Преображенской улицѣ, возлѣ Дерибасовской, шляпу, въ тотъ-же мигъ пересталъ ее видѣть. Въ довершеніе всего Одесса страдала отъ безводья и, хотя городское управленіе изыскивало уже разные способы, чтобы обезопасить населеніе отъ недостатка въ водѣ, но изъ этого выходило мало проку. Я опять-таки могу припомнить, какъ во времена продолжительнаго бездождія вода доставлялась въ Одессу съ Днѣпра въ бочкахъ и продавалась по 1 рублю за бочку, а щедрые домовладѣльцы отпускали квартирантамъ по ведру въ день на семейство. Растительность Одессы, хоть и воспѣтая Туманскимъ, въ сущности была жалкою (такую

она была и на моей памяти); даже акацій на улицахъ еще не было. Недурень былъ Ботаническій садъ, теперь, къ сожалѣнію, погибшій, но и въ немъ господствовала акація. За предѣлами Одессы было нѣсколько оазисовъ — дачь: де-Ришелье—на Водяной Балкѣ и на Мало-Фонтанской дорогѣ, гр. Ланжерона (мѣстность сохранила донинѣ это названіе), нѣсколькихъ богатыхъ негоціантовъ (также по Мало-Фонтанской дорогѣ), напр. Рено, гдѣ Пушкинъ будто-бы прощался съ Чернымъ моремъ. Но все это было, можно сказать, въ самомъ примитивномъ видѣ, и по Мало-Фонтанской-же дорогѣ были лужи, похожія на озера, гдѣ лицеисты охотились за дичью; поздно вечеромъ здѣсь проходить было далеко небезопасно, какъ и вообще въ окрестностяхъ Одессы, — впрочемъ, даже и не въ столь отдаленное время.

Итакъ, Одесса 20-хъ годовъ была городомъ сравнительно еще не очень благоустроеннымъ; но, во-первыхъ, таковы были въ то время и другіе города Россіи, а во-вторыхъ, жизнь въ Одессѣ представляла многія привлекательныя стороны, почему о пребываніи здѣсь съ восторгомъ вспоминали люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, и нашъ городъ имѣлъ счастье быть воспѣтымъ стихами Туманскаго, Пушкина, Воейкова, Бороздны и др.

Что-же было въ Одессѣ привлекательнаго?

Прежде всего, разумѣется, ея море. Хотя крымское при-морье еще красивѣе, но, какъ я сказалъ, Крымъ въ то время представлялъ большую глушь, и люди, не искавшіе сильныхъ ощущеній, всегда могли предпочесть ему болѣе культурную Одессу. Намъ, одесситамъ, хорошо знакомо наслажденіе любоваться своимъ моремъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, съ берега (несовсѣмъ удачно названнаго Пушкинымъ «неподвижнымъ»), бродить по этому еще довольно пустынному берегу, испытывая чувства, трудно поддающіяся анализу. Но море давало и болѣе конкретное наслажденіе: въ то время въ Одессѣ можно было еще пользоваться морскими купаньями; они славились на всю Россію и привлекали въ Одессу массы пріѣзжающихъ; поставляла ихъ даже и западная Европа.

Лиманы тоже функционировали, хотя не столь замѣтно, частью вслѣдствіе малаго развитія въ то время вообще лѣченія лиманами, частью-же изъ-за труднаго къ нимъ доступа, ибо на моей памяти низина у Пересыпи постоянно была залита водою,

не просыхавшею и лѣтомъ, и приходилось обѣзжать ее черезъ гору по весьма сквернымъ дорогамъ, доставившимъ ей не даромъ названіе Шкодовой. Лѣчились въ Одессѣ и фруктами.

Другую силу Одессы составляло ея географическое положеніе: здѣсь все дышало югомъ, пестрѣло разнообразными красками. И въ этомъ отношеніи Одесса тогда была тоже внѣ конкуренціи, хотя и претендовалъ нѣсколько на это Таганрогъ, куда такъ неудачно была въ половинѣ 20-хъ годовъ отправлена царская семья ради климатическаго лѣченія.

Затѣмъ Одесса была веселымъ городомъ. Здѣсь былъ театръ съ модною итальянскою оперой, пѣвцы которой распѣвали сладкіе мотивы любимца европейской публики Россіи; у театра было кафе, откуда въ антрактахъ приносили къ театру мороженое, и публика ѣла его, располагаясь на разбросанныхъ вокругъ театра камняхъ. Другое кафе Оттона, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, пользовалось еще ббльшею популярностью и, повидимому, было очень хорошее; имъ восхищались люди, знакомые не только съ петербургскими, но и съ заграничными ресторанами. Въ Одессѣ нерѣдко бывали балы и маскарады, устраиваемые какъ ея администраторами, такъ и публичные; до насъ дошли, напр., описанія празднованія масляницы при гр. Ланжеронѣ и костюмированнаго бала у гр. Воронцова, и видно, что жилось тогда въ Одессѣ весело. У Оттона шла подъ сурдинкой крупная игра, да и вообще въ Одессѣ были для нея соотвѣтственные притоны. Легкостью-же нравовъ нашъ городъ особенно славился издавна и не даромъ былъ центромъ «невѣнчаннаго» края; деньги здѣсь зарабатывались легко, а потому и тратились съ легкимъ сердцемъ, въ особенности на то, «чѣмъ жизнь красна». Наконецъ, Одесса была и дешевымъ городомъ вслѣдствіе порто-франко. Сюда пріѣзжали для закупокъ дешевыхъ, преимущественно модныхъ, товаровъ окрестные въ широкомъ смыслѣ помѣщики и безъ труда провозили ихъ къ себѣ; сюда переселялись на зиму помѣщики и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, привлекаемые и сравнительною культурностью города, и его дешевизною; иные пріѣзжали въ Одессу ради воспитанія дѣтей въ Лицеѣ и въ многочисленныхъ и разнообразныхъ пансіонахъ, другіе черезъ Одессу уѣзжали за границу, особенно на востокъ, въ Святые мѣста, и подолгу жили въ Одессѣ въ ожиданіи удобной погоды или подходящаго корабля,—

известны случаи, что изнутри Россіи ѣхали за границу через Одессу на Радзивиловъ и Броды.

Самое одесское общество въ 20-хъ годахъ представляло нѣчто для Россіи совершенно необычное и своеобразное; въ срѣднемъ, оно было культурнѣе и образованнѣе общества любого русскаго города, не исключая Петербурга или Москвы; хотя въ то-же время верхній слой одесскаго населенія былъ менѣе образованъ, нежели таковой даже въ иныхъ провинціальныхъ городахъ, напр. въ Харьковѣ. На культурность коммерческаго класса въ Одессѣ, самого въ ней замѣтнаго, вліяло и господствующее занятіе торговлею, преимущественно заграничною. Тогда какъ громадное большинство населенія русскихъ городовъ занято было примитивнымъ земледѣліемъ, а главная торговля въ нихъ производилась «распивочно и на выносъ», посѣтители Одессы не могли не удивляться; встрѣчая въ одесскомъ коммерсантѣ не знакомаго имъ купца Абдулина, а джентльмена западно-европейской складки, съ изящными манерами, съ знаніемъ иностранныхъ языковъ, съ известнымъ политическимъ развитіемъ, воспитаннымъ на чтеніи иностранныхъ газетъ, столь далеко опередившихъ нашу «Пчелку» или ея сверстниковъ. Такой характеръ одесскихъ коммерсантовъ почти сливалъ ихъ въ одну группу съ жившею въ Одессѣ «аристократіей», что и дѣлало такъ наз. одесское «общество» широкимъ и при общемъ типическомъ сходствѣ въ частности достаточно разнообразнымъ.

Въ Одессѣ жилъ и начальникъ всего Новороссійскаго края. Дюкъ де-Ришелье давно уже покинулъ Одессу и умеръ вдали отъ нея, все мечтая сюда возвратиться. Гр. Ланжеронъ тоже пересталъ быть генераль-губернаторомъ, хотя и продолжалъ жить въ Одессѣ, составляя, такъ сказать, одну изъ ея достопримѣчательностей. Временное управленіе генер. Инзова прошло въ Одессѣ безслѣдно, а затѣмъ сюда назначенъ былъ графъ Воронцовъ.

Время генераль-губернаторства гр. Воронцова до высылки отсюда Пушкина было слишкомъ непродолжительно, чтобы по этому поводу рисовать характеристику его управленія краемъ; тогда мало было и сдѣлано; поэтому я ограничусь лишь немногими замѣчаніями, необходимыми для пониманія отношеній гр. Воронцова къ Пушкину.

Гр. Воронцовъ былъ дѣйствительно полу-милордъ, и не по одному только происхожденію. Это былъ человѣкъ образованный, съ широкимъ взглядомъ на общественную самодѣятельность, понимавшій значеніе торговли и промышленности, всегда и во всемъ гуманный, желавшій освобожденія крестьянъ, другъ образованія, даже среди солдатъ; но въ то-же время это былъ прежде всего придворный, поэтому иногда видѣвшій предметы въ искусственномъ освѣщеніи. Затѣмъ, русскій по самосознанію, гр. Воронцовъ вовсе не былъ таковымъ по образованію; онъ недостаточно хорошо зналъ русскую жизнь и не могъ понять многого въ исторіи умственного развитія нашего общества, мѣряя все на западно-европейскую мѣрку, да еще и на такую, которая видѣла въ провозглашенныхъ французскою революціей принципахъ однѣ лишь утопическія бредни, въ Наполеонѣ — исчадіе революціи и въ Священномъ союзѣ — оплотъ отъ величайшихъ бѣдъ. При такихъ условіяхъ онъ и не могъ отнестись къ Пушкину иначе, нежели отнесся.

Хотя къ половинѣ 20-хъ годовъ гр. Воронцовъ еще не создалъ возлѣ себя дворцовой атмосферы, которая окружала его въ послѣдующіе годы, но частью около него, частью около гр. Е. К. Воронцовой складывался уже кружокъ образованныхъ людей, по преимуществу изъ числа чиновниковъ канцеляріи гр. Воронцова, или изъ богатой фланировавшей въ Одессѣ молодежи. Настоящей родовитой аристократіи въ Одессѣ было немного: нѣсколько польскихъ семействъ (Потоцкіе, Понятовскіе, Сабанскіе и др.), да полу-польская семья Нарышкиныхъ. Они имѣли огромныя помѣстья или возлѣ Одессы, или въ юго-западномъ краѣ, т. е. были связаны съ нею экономическими интересами. Многихъ поляковъ привлекали въ Одессу и тѣ ея преимущества, о которыхъ было сказано выше. При гр. Воронцовѣ-же число жившихъ здѣсь поляковъ еще болѣе увеличилось. Изъ русскихъ баръ отмѣтимъ семью гр. В. П. Кочубея, загостившуюся въ Одессѣ въ 1824 г., да извѣстную кн. Зинаиду Волконскую, поселившуюся въ Одессѣ ради воспитанія дѣтей. Было и мѣстное русское дворянство, хоть и не очень обильное.

Гораздо многочисленнѣе была здѣсь коммерческая аристократія, составившаяся изъ иностранныхъ негоціантовъ, преимущественно грековъ, частью далматинцевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Ризничъ, такъ неожиданно для себя попавшій

въ исторію русской литературы. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ образованный, и на его средства была издана въ 1826 году извѣстная «Сербіанка» С. Милутиновича вмѣстѣ съ первою книжкою его стихотвореній. Да и греческое общество жило въ Одессѣ не одними коммерческими интересами: какъ разъ въ это время здѣсь сформировалась знаменитая гетерія; иностранная, а частью и русская интеллигенція участвовала въ масонской ложѣ (находившейся въ такъ наз. «Чудномъ» домѣ), а среди офицеровъ, жившихъ въ Одессѣ или недалеко отъ нея, было не мало членовъ тайныхъ обществъ. Появлялись въ Одессѣ и такія исключительныя достопримѣчательности, какъ аея Гутчинсонъ, или корсаръ въ отставкѣ мавръ Али, тоже увѣковѣченные памятью о Пушкинѣ.

Разумѣется, было въ Одессѣ и мелкое чиновничество, мало отличавшееся отъ обычнаго русскаго, и русское купечество, и, наконецъ, простонародье, очень разнообразное по племенному составу; но для біографіи Пушкина эти элементы имѣютъ мало значенія.

Жила Одесса главнымъ образомъ вывозною торговлею. Здѣсь были самые существенные ея интересы, и сношенія ея съ заграницей настолько окрашивали общій характеръ ея жизни, что на улицахъ итальянскій, греческій или французскій языкъ слышался чаще, нежели русскій. Въ ея учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и Лицея, ученье шло на французскомъ языкѣ; на этомъ-же языкѣ издавались у насъ и первая газета, и первый журналъ; были магазины, гдѣ продавались иностранныя книги, тогда какъ русскія приходилось пріобрѣтать въ посудныхъ лавкахъ.

Я могъ-бы значительно распространить свой рассказъ объ Одессѣ 20-хъ годовъ, имѣя для этого немало собранныхъ даже мною самимъ матерьяловъ, — но, полагаю, сказаннаго совершенно достаточно для выясненія, что могъ Пушкинъ найти въ Одессѣ.

Какъ-же однако нашъ югъ встрѣтилъ Пушкина?

Говорить подробно о пребываніи его въ Новороссійскомъ краѣ, и въ частности въ нашемъ городѣ, я тоже считаю излишнимъ, ибо предметъ этотъ, можно сказать, исчерпанъ въ печатныхъ трудахъ Анненкова, Бартенева и Яковлева; я только напомнимъ объ этомъ въ самыхъ краткихъ словахъ.

Въ маѣ 1820 г. Пушкинъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и пробылъ тамъ недѣли двѣ, заболѣвъ при этомъ; объ отношеніяхъ его къ мѣстному обществу сохранилось развѣ нѣсколько анекдотовъ изъ ряда такихъ, какіе вообще рассказываютъ о Пушкинѣ. Въ Екатеринославѣ онъ почти не работалъ: очевидно, свѣжи были еще впечатлѣнія постигшаго его удара; впрочемъ, изъ здѣшнихъ впечатлѣній позднѣе явилась поэма «Братья-Разбойники».

Въ послѣднихъ числахъ мая Пушкинъ уѣхалъ съ семьей Раевскихъ на Кавказъ, гдѣ пробылъ до начала августа; на Кавказѣ онъ какъ-бы сталъ оживать; здѣсь написанъ имъ эпилогъ къ «Руслану и Людмилѣ» и начатъ «Кавказскій плѣнникъ», по мѣстнымъ впечатлѣніямъ.

Августъ—сентябрь 1820 г. Пушкинъ проводитъ въ Крыму, главнымъ образомъ въ Гурзуфѣ, съ Раевскими-же, и здѣсь начинается расцвѣтъ его поэтического творчества. Съ одной стороны чудная природа Крыма и его оригинальность разсѣиваютъ доголѣ мрачное настроеніе поэта; съ другой — онъ испытываетъ увлеченіе, далеко не похожее на тѣ, какія имѣли мѣсто раньше въ Петербургѣ. Подъ вліяніемъ любви и Крыма Пушкинъ создаетъ цѣлый рядъ прелестныхъ стихотвореній; другія, того-же характера и внушенныя тою-же любовью, написаны имъ въ Каменкѣ.

Вліяніе кружка Раевскихъ сказалось въ Пушкинѣ и созрѣваніемъ его политическихъ взглядовъ, которые однако не привели его къ участію въ серьезныхъ тайныхъ обществахъ; на это были свои причины, на которыхъ нѣтъ цѣли здѣсь останавливаться.

Въ сентябрѣ 1820 г. Пушкинъ уѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ прожилъ до лѣта 1823 г. Это время, не смотря на бурный образъ жизни Пушкина и на мучительный процессъ, совершавшійся въ его душѣ, было особенно благоприятно для его поэтического творчества; здѣсь созданы Пушкинымъ едва-ли не лучшія его лирическія произведенія, оконченъ «Кавказскій плѣнникъ», написаны «Братья-Разбойники» и «Бахчисарайскій фонтанъ», начатъ «Евгеній Онѣгинъ», задуманы «Цыганы». Чѣмъ обусловлена была такая дѣятельность? Очевидно, только что пережитыми впечатлѣніями, возбуждавшими въ душѣ Пушкина творческій процессъ, которому не было основанія прекратиться въ городѣ, жившемъ столь бойкою политической и общественной жизнью;

скорѣе всего, именно здѣсь созрѣваютъ политическія воззрѣнія Пушкина. Не думаю впрочемъ, чтобы молдаванская или даже греческая аристократія того времени могла оцѣнить въ Пушкинѣ великаго поэта; скорѣе въ немъ видѣли правительственную жертву, по «несчастному случаю» заброшеннаго въ Кишиневъ молодаго аристократа, очень интереснаго въ обществѣ по своему остроумію, волокиту, игрока; съ нимъ не церемонились выходить на дуэль; но русское общество въ Кишиневѣ, начиная съ Инзова и не исключая дамъ, стало уже понимать значеніе Пушкина и дѣлало, что могло, чтобы облегчить ему тернистый путь его изгнанія и неудобства пребыванія въ отдаленныхъ мѣстахъ. Затѣмъ изъ Кишинева Пушкинъ постоянно выѣзжалъ то въ Кіевъ, то въ Каменку, то — три раза — въ Одессу, то въ южную Бессарабію, и всякая поѣздка его порождаетъ какія-либо чудныя произведенія.

Наконецъ, въ началѣ 1823 г. Пушкинъ переселяется въ Одессу, гдѣ остается свыше года; здѣсь имъ создано нѣсколько главъ «Онегина» и опять-таки много прекрасныхъ стихотвореній мѣстнаго содержанія, заканчивающихся знаменитымъ прощаніемъ Пушкина съ Чернымъ моремъ.

Этотъ бѣглый перечень достаточно убѣдителенъ для отвѣта: насколько было благопріятно для Пушкина вообще пребываніе на югѣ Россіи? Здѣсь подъ вліяніемъ поэтическаго и своеобразнаго характера посѣщенныхъ Пушкинымъ мѣстностей окрѣпло и развилось его творчество, а вслѣдствіе политической жизни края укрѣпились идеалы, хоть и навѣянные ему раньше нѣкоторыми лицейскими профессорами, напр. Куницынымъ, а потомъ близкими людьми, въ родѣ Чаадаева, и даже общемою атмосферою того времени; тѣмъ не менѣе до переселенія Пушкина на югъ они были еще въ немъ очень неустойчивыми. Только на югѣ Россіи окончательно опредѣлилась личность Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ она всеѣмъ намъ дорога; только послѣ этого періода творчества могъ сказать о себѣ Пушкинъ, что

«Чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И (пожалуй) милость къ падшимъ призывалъ.»

Вскорѣ послѣ этого въ поэзіи Пушкина, при всей ея геніальности, зазвучать другія ноты, утратится присущая ему и раз-

витая югомъ жизнерадостность, почувствуется сложная и тяжелая душевная драма; но анализъ всего этого выведетъ-бы меня изъ предѣловъ моей задачи.

Теперь для меня представляетъ спеціальный интересъ вопросъ о томъ, какъ принять былъ Пушкинъ въ Одессѣ, или, точнѣе, какъ на него здѣсь смотрѣли?

Графъ Воронцовъ сперва отнесся къ поэту чрезвычайно любезно; въ сущности, онъ перезвалъ его въ Одессу изъ Кишинева; но вскорѣ между ними пошли нелады, обнаружившіе, что гр. Воронцовъ тоже видѣлъ въ Пушкинѣ скорѣе свѣтскаго юношу, случайно наказаннаго за шалости, нежели великаго поэта. Дивиться тутъ нечему: какъ я уже сказалъ, гр. Воронцовъ имѣлъ тѣ взгляды на литературу, какіе вообще господствовали въ правительственныхъ сферахъ въ эпоху Священнаго союза. Исходя изъ такихъ взглядовъ, онъ могъ лишь враждебно отнестись къ поэзіи Байрона и тѣмъ болѣе не въ состояніи былъ оцѣнить значеніе поэтической дѣятельности его послѣдователя, и притомъ такого, за которымъ еще не было даже полного «Онѣгина». Хотя гр. Воронцовъ и признавалъ счастливыя дарованія Пушкина и надѣялся, что изученіе имъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ можетъ сдѣлать его выдающимся писателемъ. Между тѣмъ поведеніе Пушкина не могло не шокировать гр. Воронцова, не говоря уже о столкновеніяхъ чисто личнаго свойства, обидномъ отношеніи къ гр. Воронцову самого Пушкина (у котораго, кстати сказать, встрѣчаются и похвалы ему) и нежеланіи его хоть сколько-нибудь войти въ извѣстныя служебныя рамки, что очень цѣнилось въ свое время, и несмотря на то, что онъ широко раздвигались для него гр. Воронцовымъ¹⁾. Вопреки общепринятымъ мнѣніямъ, выскажусь, что гр. Воронцовъ съ точки зрѣнія начальника края и западно-европейскаго вельможи отнесся къ Пушкину довольно снисходительно, и постигшая поэта кара была по тому времени сравнительно нестрогаю. Приведемъ въ параллель, во-первыхъ, что англійское общество и до сихъ поръ

¹⁾ Неужели можно сочувствовать Пушкину въ его поведеніи въ дѣлѣ о саранчѣ только потому, что онъ написалъ остроумный рапортъ? Въдѣ саранча на югѣ Россіи страшное общественное бѣдствіе, и къ нему нельзя не относиться серьезно.

не может простить Байрону ни его биографіи, ни его произведений; что къ поэзіи Байрона отрицательно относился Жуковскій (хотя сперва и переведившій его); что не только Императоръ Александръ I, совершенный западно-европеецъ по воспитанію и образованію, совсѣмъ не знавшій ни русской жизни, ни русской литературы (хотя сперва и благосклонный къ Пушкину изъ-за нѣсколькихъ доведенныхъ до его свѣдѣнія стиховъ), но и многіе тогдашніе русскіе *литераторы* относились къ произведеніямъ Пушкина отрицательно, какъ напр. И. И. Дмитріевъ къ «Руслану и Людмилѣ», Рылѣевъ къ «Онѣгину», Н. Полевой къ «Борису Годуну». Императоръ Николай I, видѣвшій въ Пушкинѣ хоть и своеобразнаго, не укладывающагося въ точно опредѣленные рамки, но очень умнаго человѣка и выдающагося поэта, совершенно искренно находилъ, что ему слѣдовало-бы заняться болѣе серьезнымъ дѣломъ, нежели стихотворство, напр. написать трактатъ о воспитаніи,—несмотря на то, что поэтъ въ то время женатъ не былъ, ни своихъ, ни чужихъ дѣтей никогда не воспитывалъ, и вся предшествующая биографія мало подготовляла его къ этому, почтенному, конечно, занятію. Очень расположенный къ Пушкину Инзовъ требовалъ отъ него перевода на русскій языкъ молдавскихъ законовъ и пр. Собственный отецъ Пушкина поступалъ съ нимъ гораздо хуже, нежели гр. Воронцовъ, а какъ потомъ отнеслось къ поэту высшее петербургское общество, атмосфера котораго такъ систематически послѣдовательно привела Пушкина къ роковой дуэли, это не нуждается въ напоминаніи.

Съ другой стороны слѣдуетъ вспомнить и то, что Пушкину уже раньше грозило наказаніе, гораздо болѣе суровое, нежели водвореніе на жительство въ собственную деревню, а онъ (предполагается) не исправился; что за одесскія выходки осуждали его такія близкія къ нему лица, какъ кн. П. А. Вяземскій и А. И. Тургеневъ, причемъ послѣдній уже не разъ отклонялъ отъ него высылку изъ Одессы, которой сперва только и добивался гр. Воронцовъ; что ссылка Пушкина въ Псковскую губ. тоже придумана была А. И. Тургеневымъ; что Каразинъ пострадалъ въ то-же самое время гораздо сильнѣе, скорѣе за докучливость, чѣмъ за предположительно приписанный ему проступокъ, въ которомъ онъ былъ невиноватъ, и что вообще подобныхъ примѣровъ для 20-хъ годовъ можно-бы привести не мало.

Графиня Воронцова болѣе благоволила къ Пушкину, нежели ея мужъ. Трудно сказать, насколько справедлива гипотеза о свѣтскихъ ширмахъ, которыми будто-бы послужилъ Пушкинъ относительно графини; но во всякомъ случаѣ она сумѣла оцѣнить поэта, и ея вліяніе на него сказалось добрыми послѣдствіями. Въ ея кружкѣ былъ молодой Раевскій — близкій къ Пушкину человекъ, даже сильно вліявшій на его умственное развитіе; близки къ Пушкину были и служившіе при канцеляріи гр. Воронцова два поэта Туманскіе, Казначеевъ, Синявинъ и др.

Къ сожалѣнію, никто изъ этого кружка не оставилъ намъ о Пушкинѣ воспоминаній; мнѣ выпало на долю застать въ Одессѣ въ живыхъ лишь одного изъ такихъ чиновниковъ — г. Пикулова; но онъ былъ очень старъ и притомъ человекъ не пушкинскаго покроя. Г. Пикуловъ рассказывалъ мнѣ, что гр. Воронцовъ сперва очень благоволилъ къ Пушкину и прощалъ ему чиновничьи грѣхи, что Пушкинъ былъ очень неаккуратнымъ служащимъ, наконецъ, что причиною неудовольствія гр. Воронцова на Пушкина была ревность, — словомъ, то, что и безъ этого хорошо извѣстно.

Немногимъ полнѣе и воспоминанія о Пушкинѣ гр. М. Д. Бутурлина, который въ то время жилъ безъ всякаго дѣла въ Одессѣ; онъ былъ даже дальній родственникъ Пушкина, но мало имъ интересовался, случайно узналъ о пребываніи его въ Одессѣ, случайно видѣлся съ нимъ и не попытался даже стать съ нимъ въ болѣе близкія отношенія.

Если присоединить къ этому извѣстное свидѣтельство А. А. Скальковскаго, прибывшаго въ Одессу вскорѣ послѣ выѣзда отсюда Пушкина и почти (по его словамъ) не заставшаго уже здѣсь людей, которые хранили-бы память о немъ, то можно-бы подумать, что дѣйствительно въ Одессѣ посмотрѣли на Пушкина только какъ на свѣтскаго человека, съ которымъ интересно встрѣчаться въ обществѣ, а не какъ на поэта. Тѣмъ менѣе могла понять его, напр., г-жа Ризничъ, которую онъ такъ любилъ и поэтически воспѣлъ и которая — увы! даже не могла прочесть посвященныхъ ей стихотвореній. Не думаю также, чтобы семья Кочубеевъ, гдѣ, можетъ быть, слѣдовало-бы искать первообразъ Татьяны, или гр. Потockая могли оцѣнить Пушкина,

какъ поэта: свѣтскія дамы того времени были на счетъ русской литературы почти невмѣняемы.

Къ счастью, имѣются твердыя доказательства, что въ Одессѣ 20-хъ годовъ уже было кому оцѣнить Пушкина, какъ поэта, и главнѣйшее изъ нихъ принадлежитъ самому гр. Воронцову. Въ роковомъ письмѣ къ гр. Нессельроде онъ такъ мотивируетъ необходимость высылки Пушкина изъ Одессы:

«Здѣсь проживаетъ множество людей, и количество ихъ еще увеличится во время сезона купанья; они, будучи экзальтированными поклонниками его (Пушкина) поэзіи, думаютъ ему выразить этимъ свою дружбу и оказываютъ услугу непріятеля, способствуя его самоувлеченію и убѣждая его, что онъ выдающійся писатель».

Что гр. Воронцовъ былъ правъ, подтверждается и воспоминаніями бывшихъ лицестовъ Сумарокова и Н. Г. Тройницкаго. Первый сообщаетъ, что о Пушкинѣ много говорили въ городѣ и зачитывались его «Русланомъ и Людмилою»; поэтому, увидя Пушкина, Сумароковъ испыталъ особенное волненіе. Второй рассказываетъ, что во время его отрочества въ Одессѣ имя Пушкина произносилось, какъ имя прославленнаго поэта; его читали, перечитывали, переписывали, затверживали на память; нѣкоторые изъ его ненапечатанныхъ стиховъ ходили по рукамъ въ рукописи, какъ запрещенные; особенно-же зачитывались «Онѣгинимъ», надъ чѣмъ смѣялся самъ авторъ его. Когда Тройницкій былъ въ младшемъ отдѣленіи Лицея и сидѣлъ въ классѣ, кто-то кривнулъ: «Пушкинъ идетъ!» и всѣ малыши кинулись къ окошку.

Такія показанія объясняютъ намъ, въ комъ въ Одессѣ Пушкинъ нашелъ себѣ поклонниковъ: это была учащаяся, преимущественно русская молодежь, а также и русскія семьи въ родѣ Тройницкихъ, Кирьяковыхъ, Бларамберговъ и, наконецъ, личные друзья Пушкина: Раевскій, Туманскіе, Пуцинъ и др., о которыхъ было сказано выше.

Образъ жизни Пушкина въ Одессѣ лучше всего обрисованъ имъ самимъ въ знаменитыхъ строфахъ «Онѣгина». Его страстная любовь къ г-жѣ Ризничъ и отношенія къ гр. Воронцовой и къ инымъ одеситкамъ также давно стали литератур-

нымъ достояніемъ. Поэтому я перехожу къ вопросу, какія воспоминанія нашъ край оставилъ въ Пушкинѣ?

Крымъ и общество Раевскихъ заставили Пушкина немедленно по разставаніи съ ними уже вспоминать о нихъ въ такихъ чудныхъ стихотвореніяхъ, какъ «Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда» или «Нереида»; затѣмъ онъ вспоминаетъ о Крымѣ и въ періодъ кишиневской и одесской жизни; такъ, въ 1820 г. имъ написано стихотвореніе «Фонтану Бахчисарайскаго дворца», въ 1821 г. — «Желанье», въ 1822 г. — тѣ мѣста субъективнаго характера, которыя находятся въ поэмѣ «Бахчисарайскій фонтанъ»; въ 1823 г. (?) нѣкоторые стихи въ первой пѣснѣ «Онѣгина», напр.: «Я видѣлъ море предъ грозою»; къ этому-же году относится и отзывъ о Крымѣ въ письмѣ къ кн. Вяземскому; въ 1824 г. — такой-же въ письмѣ къ бар. Дельвигу; въ 1825 г. — стихотвореніе «Ты видѣлъ дѣву на скалѣ» (я не упоминаю объ отрывкахъ и наброскахъ). Воспоминанія эти заканчиваются отрывками изъ путешествія Онѣгина, посѣтившаго между прочимъ Тавриду. Отыскать хоть одинъ неблагосклонный отзывъ Пушкина о Крымѣ мнѣ не удалось.

Иное дѣло Бессарабія и Кишиневъ; они вызвали въ Пушкинѣ довольно сложныя впечатлѣнія. Сначала Бессарабія напоминаетъ ему объ Овидіи, и онъ рисуеъ нашъ югъ съ симпатіей; потомъ онъ пишетъ сатиры на кишиневскихъ дамъ — и въ то-же время въ посланіи къ Баратынскому называетъ пустынную Бессарабію страной, священной для души поэта: «Она Державиннымъ воспѣта и славой русскою полна». Переселившись въ Одессу, Пушкинъ то вздыхаетъ о Кишиневѣ (въ письмѣ къ брату), то посылаетъ Вигелю извѣстную сатиру на этотъ городъ, впрочемъ въ такой инкрустаціи, которая не позволяетъ серьезно относиться къ этому стихотворенію. Изъ Михайловскаго въ 1826 г. Пушкинъ пишетъ къ Н. С. Алексѣву: «Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшотчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой твоей избушкѣ... я за новости кишиневскія стану тебя потчивать новостями московскими». Оканчивая «Цыганъ», Пушкинъ въ эпилогѣ съ большимъ чувствомъ говоритъ о Бес-

сарабиі и о своемъ пребываніи въ цыганскомъ таборѣ¹⁾. Еще позднѣе онъ вспоминаетъ о цыганахъ въ VIII главѣ «Онѣгина» и пишетъ стихотвореніе «Цыгане», гдѣ опять съ удовольствіемъ вспоминаетъ о походе въ цыганскомъ таборѣ.

Столь измѣнчивое отношеніе Пушкина къ одному и тому же предмету вовсе не представляетъ исключенія. Извѣстно, какъ онъ любилъ Петербургъ (см. хотя-бы «Люблю тебя, Петра творенье» и т. д.); но можно подобрать немало мѣстъ, гдѣ онъ осыпаетъ его жесточайшею бранью (Проклятый Петербургъ... Я золь на Петербургъ и радуюсь каждой его гадости... свинскій Петербургъ); Пушкинъ недолюбливалъ Москвы, но случалось ему и хвалить ее (напр. въ «Онѣгинѣ»); онъ любилъ Россію — и жаловался, что родился русскимъ.

Одесса во всякомъ случаѣ пользовалась у Пушкина ббльшею благосклонностью, нежели Кишиневъ. Тогчасъ по переселеніи въ Одессу Пушкинъ сообщаетъ брату, что Инзовъ отпустилъ его въ Одессу: «Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторанія и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу; обновили мнѣ душу... Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни». Немедленно по приѣздѣ въ Михайловское, онъ проситъ Д. М. Княжевича писать ему изъ Одессы: «Объ Одессѣ ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ... Ради Бога, слово живое объ Одессѣ; скажите мнѣ, что у Васъ дѣлается; скажите, во-первыхъ, выздоровѣла-ли Катенька (Гика)».

Вскорѣ Пушкинъ сталъ получать изъ Одессы письма отъ гр. Воронцовой, украшенныя печатью съ кабалистическими знаками (т. е. въ дѣйствительности съ караимскими письменами); тогда Пушкинъ запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Письма эти онъ сжигалъ, о чемъ онъ и говоритъ въ стихотвореніи «Сожженное письмо», а о гр. Воронцовой вспоминаетъ въ двухъ стихотвореніяхъ: «Ангель» и «Талисманъ». Двумя еще болѣе поэтическими произведеніями: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» и «Для береговъ отчизны дальней», почтилъ онъ память скончав-

¹⁾ Интересно-бы знать, въ чемъ состояло порученіе, данное Пушкину относительно цыганъ генер. Инзовымъ?

шейся одесситки, г-жи Ризничъ. Но самое подробное воспоминаніе объ Одессѣ находится въ извѣстныхъ строфахъ «Евгенія Онѣгина», посвященныхъ его путешествію. Приводить ихъ не рѣшаюсь, такъ какъ онѣ слишкомъ извѣстны одесситамъ, а замѣчу лишь, что въ нихъ господствуетъ самое свѣтлое воспоминаніе объ одесской жизни, неомрачаемое и нѣкоторыми недостатками Одессы: пылью, грязью, отсутствіемъ растительности, безводіемъ,—тѣмъ болѣе, что можно было тогда ожидать и скорого избавленія ея отъ этихъ бѣдъ. Впрочемъ одесская грязь настолько поразила Пушкина, что онъ припомнилъ ее гораздо позднѣе, во время втораго путешествія на Кавказъ, проѣзжая между Орломъ и Ельцомъ: «Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской». Затѣмъ одинъ изъ вариантовъ путешествія Онѣгина указываетъ, что еще у Пушкина оставило объ Одессѣ хорошую и плохую память:

«А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ тригорскихъ.»

Въ 30-хъ годахъ воспоминанія Пушкина о посѣщенныхъ имъ мѣстахъ юга Россіи тускнѣютъ; но все-же и въ это время можно найти у него стихи, гдѣ онъ говоритъ о югѣ съ большимъ чувствомъ и, посѣтивъ Михайловское незадолго до смерти, онъ на берегу озера вспоминаетъ съ грустью иные берега, иные волны. И немудрено: тамъ протекала свѣтлая пора его юности, тамъ онъ жилъ болѣе естественною жизнью, тамъ наконецъ онъ былъ счастливѣе, нежели въ это время.

Но помнилъ-ли югъ великаго поэта, такъ неожиданно сюда замѣтѣвшаго? И если помнилъ, то какъ относился къ его памяти? Я останавлиюсь главнымъ образомъ на Одессѣ, такъ какъ относительно другихъ, упомянутыхъ мною выше, мѣстностей располагаю лишь позднѣйшими данными.

Гр. Воронцовъ продолжалъ относиться къ Пушкину недоброжелательно, что особенно сказалось по случаю его смерти. Извѣстенъ рассказъ бывшаго редактора газеты «Одесскій Вѣстникъ» Н. Г. Тройницкаго (записанный мною съ его словъ) о томъ, какъ онъ принесъ на просмотръ гр. Воронцову некрологъ

Пушкина, заключавшей глубоко прочувствованныя похвалы ему и скорбь по поводу его безвременной кончины (см. далѣе); гр. Воронцовъ разрѣшилъ печатать некрологъ, но выразилъ недоумѣніе, заслужилъ-ли Пушкинъ этотъ некрологъ,—тѣмъ болѣе, что подобнаго не было, напр., по смерти Державина или Хераскова. Несмотря на данное разрѣшеніе, редакція газеты опасалась, не будетъ-ли нахлобучки за некрологъ изъ Петербурга, и, можетъ быть, не безъ основанія, такъ какъ тамъ дѣйствительно по поводу смерти Пушкина происходили, какъ извѣстно, такія событія, которыя были-бы черезъ-чуръ смѣшны, если-бы не были столь грустными. Относительно-же гр. Воронцовой мнѣ неоднократно передавали близкія къ ней лица, напр. протоіерей М. К. Павловскій, что сочиненія Пушкина навсегда остались ея любимымъ чтеніемъ.

Враждебное отношеніе аристократа-западноевропейца гр. Воронцова къ памяти Пушкина въ сущности не было исключительнымъ: на глазахъ одесситовъ прошелъ и другой примѣръ въ лицѣ гр. А. Г. Строгонова. Были-ли у него съ Пушкинымъ какіе-либо личные счеты, положительно сказать не умѣю, хотя указанія на это и есть; но извѣстно, что еще незадолго до смерти гр. Строгоновъ продолжалъ видѣть въ Пушкинѣ революціонера, автора стихотворенія «Кинжалъ» и проч.; онъ грубо обошелся съ уважаемыми одесситами, явившимися къ нему съ подписнымъ листомъ на памятникъ Пушкину, и съ крикомъ удивлялся, чего-же смотритъ полиція на постановку памятника такому «кинжалщику». Отзывы о Пушкинѣ лицъ, весьма близкихъ къ гр. Строгонову, были рѣзки до-нельзя, и въ нихъ сквозила месть за Дантеса ¹⁾ Изъ этого-же аристократическаго кружка при посредствѣ небезъизвѣстнаго одесситамъ

¹⁾ Въ Одессѣ на моей памяти доживала вѣкъ одна особа, знавшая Пушкина еще въ Лицеѣ — г-жа Ю. Ф. фонъ-Гауэншильдъ, вдова профессора; въ Одессѣ существовала очень популярная женская гимназія, будто-бы завѣдуемая ею, а въ дѣйствительности принадлежавшая ей дочери М. Ф. Кларкъ. Я пытался разспрашивать старушку о Пушкинѣ, но могъ узнать отъ нея только, что онъ былъ большой шалунъ, а г. фонъ-Гауэншильдъ очень строгъ в, когда онъ наглядывалъ на Пушкина суровое наказаніе, тотъ прибѣгалъ къ ней за защитою, и она выпрашивала у мужа для него снисхожденіе. Но и это не новая черта въ біографіи Пушкина.

лица (носившаго прозвище Pic-assiette) явилась недавно брошюра объ истинныхъ причинахъ смерти Пушкина, напечатанная всего будто-бы въ 10-ти экземплярахъ и заключающая въ себѣ грубый пасквиль на Пушкина, близкихъ къ нему лицъ, его друзей и его враговъ, словомъ на всѣхъ, чье имя попало подъ перо автора.

Но возвращаюсь къ Одессѣ того времени, когда ее покинулъ Пушкинъ. Помнило-ли его мѣстное общество? А. А. Скальковскій говоритъ, что, кромѣ одного-двухъ, нѣкогда лично близкихъ къ Пушкину людей, его уже забыли въ Одессѣ въ концѣ 20-хъ годовъ. Объясняю такое показаніе официальнымъ положеніемъ А. А. Скальковского, до котораго изъ среды лицъ, окружавшихъ гр. Воронцова, дѣйствительно отзывы о Пушкинѣ могли и не дойти; не даромъ-же онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о пребываніи Пушкина въ Одессѣ въ своей исторіи ея; но воспоминанія Н. Г. Тройницкаго доказываютъ, что въ русскомъ обществѣ Одессы и хорошо помнили Пушкина, и восхищались его произведеніями. Затѣмъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1827 г. въ № 30 отъ 20-го апрѣля перепечатано было стихотвореніе Пушкина «Одесса» изъ «Онѣгина», которое могло напомнить многимъ одесситамъ о своемъ авторѣ.

Наконецъ, въ 1828—1830 гг. рижельскіе лицеисты издавали рукописный журналъ «Ареопагъ» (хранящійся нынѣ въ одесской публичной библіотекѣ). По словамъ одного изъ его редакторовъ, Н. Г. Тройницкаго, журналъ этотъ былъ вызванъ къ жизни именно вліяніемъ Пушкина; и точно, въ немъ перепечатывались его стихотворенія, разбирались его произведенія и т. д.

Въ послѣднихъ книжкахъ «Ареопага» о Пушкинѣ говорится рѣдко; но въ то время и вообще въ русскихъ журналахъ видно оскудѣніе статей о Пушкинѣ—до тѣхъ поръ, пока смерть снова не привлекла къ нему общаго вниманія; извѣстіе-же о смерти Пушкина, напечатанное въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (1837 г. № 13), отличается высокимъ лиризмомъ; для образца привожу окончаніе статьи, какъ имѣющее для моей темы специальный интересъ:

«Съ ранняго возраста прислушивались мы къ этимъ очаровательнымъ пѣснопѣніямъ, къ этимъ незнаемымъ дотолѣ обо-

ротамъ русской рѣчи, къ этой неслыханной у насъ гармоніи языка. Съ любовью слѣдили мы каждый шагъ поэтическаго поприща его жизни, дорожили его славою, потому что видѣли въ ней нашу собственную славу, — славу Россіи. Мы привыкли считать эту славную жизнь неотъемлемымъ безсмертнымъ достояніемъ русской литературы; мы никогда не думали, мы не постигали возможности лишиться нашего незабвеннаго... Пушкинъ! Пушкинъ! Зачѣмъ-же такъ рано; такъ неожиданно! И нѣтъ преемника тебѣ, вѣщій пѣвецъ нашего времени».

Послѣ смерти Пушкина наступило время изученія его біографіи и оцѣнки его литературной дѣятельности, стали появляться статьи о немъ и воспоминанія; не осталась чуждою къ этому и Одесса, гдѣ еще до 50-хъ годовъ было напечатано о Пушкинѣ нѣсколько статей, и въ сущности начало серьезному изученію біографіи Пушкина положено было одесситомъ.

Питомецъ Ришельевского лицея, затѣмъ профессоръ въ немъ русской словесности, К. П. Зеленецкій (теперь, кстади сказать, незаслуженно забытый и неудостоившійся обстоятельной біографіи, хотя по его учебникамъ нѣкогда училась вся Россія) былъ величайшимъ поклонникомъ Пушкина. Уже въ 1838 г. онъ напечаталъ въ «Современникѣ» воспоминанія о немъ нѣкоего А. Грена и затѣмъ надолго посвятилъ себя изученію біографіи великаго поэта, усиленно розыскивая даже принадлежавшую ему извѣстную оригинальную палку, которая однако попала къ другому одесскому почитателю Пушкина Н. Г. Тройницкому, а нынѣ находится въ музеѣ Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей.

Переселеніе въ Одессу на службу брата поэта, Л. С. Пушкина, побудило К. П. Зеленецкаго особенно усердно заняться выясненіемъ обстоятельствъ пребыванія поэта въ Новороссіи, результатомъ чего былъ рядъ прекрасныхъ статей его о Пушкинѣ, опередившихъ капитальный трудъ Анненкова. Не называю ихъ, равно и дальнѣйшихъ статей, написанныхъ у насъ о Пушкинѣ, такъ какъ перечисленіе ихъ частью есть уже въ извѣстныхъ книжкахъ Межова и проф. В. А. Яковлева (одессита-же), частью, какъ мнѣ извѣстно, готовится къ печати одесскою публичною бібліотекою. Число ихъ, особенно во время пушкинскихъ торжествъ 1880 и 1887 гг., прямо таки колос-

сально, и авторами какъ воспоминаній о Пушкинѣ, такъ и посвященныхъ ему статей являются всё безъ исключенія сколько-нибудь замѣтные наши литераторы и публицисты, какъ уже покойные (А. А. Скальковский, Н. Н. Мурзакевичъ, М. Ф. де-Рибасъ, О. О. Чажевичъ, проф. В. А. Яковлевъ и др.), такъ и тѣ, которые еще продолжаютъ свою дѣятельность. Такое-же одушевленіе господствуетъ въ крымской и бессарабской прессѣ; отсюда тоже доходитъ къ намъ рядъ воспоминаній о Пушкинѣ, иногда поэтическихъ, какъ напр. рассказъ о кипарисѣ и соловьѣ въ Гурзуфѣ, иногда баснословныхъ, какъ напр. большинство новыхъ кишиневскихъ воспоминаній, даже съ массою неизвѣстныхъ стиховъ, будто-бы пушкинскихъ. Появляются переводы сочиненій Пушкина на всёхъ имѣющихся на югѣ Россіи иностранныхъ языкахъ, до эсперанто включительно; въ честь Пушкина обильно пишутся стихотворенія и создаются памятники искусства, напр. музыкальныя произведенія; словомъ, совершаются всевозможные способы чествованія его памяти. Я позволю себѣ (по весьма понятной причинѣ) остановиться лишь на дѣятельности въ этомъ отношеніи одесскаго славянскаго благотворительнаго общества, черезъ просвѣтительный трудъ котораго красной нитью проходитъ популяризація сочиненій Пушкина въ средѣ одесскаго простонародья. Это-же общество организовало постановку въ Одессѣ одного изъ первыхъ памятниковъ Пушкину въ Россіи (впрочемъ, Кишиневъ сдѣлалъ это раньше) и отмѣтило на основаніи вполне авторитетныхъ показаній тотъ домъ, гдѣ остановился Пушкинъ по пріѣздѣ въ Одессу въ 1823 г.

Немало сдѣлало для прославленія памяти Пушкина и наше городское общественное управленіе. Достаточно указать, что въ настоящее время имъ связано съ именемъ Пушкина едва-ли не самое симпатичное учрежденіе, вызванное его юбилеемъ. Но, кому въ исторіи распространенія любви къ Пушкину и памяти о немъ на югѣ Россіи (и конечно по всей Россіи) принадлежитъ главное мѣсто — это нашимъ педагогамъ. Буду говорить объ Одессѣ, такъ какъ я располагаю лишь здѣшними данными. Въ нашемъ университетѣ читались систематическіе курсы о Пушкинѣ (проф. И. С. Некрасовымъ) раньше, нежели гдѣ-либо.

Совѣтъ университета неоднократно принималъ мѣры, чтобы направить студентовъ къ спеціальному изученію сочиненій великаго поэта. Какое значеніе имѣютъ сочиненія Пушкина въ нашей средней школѣ — общеизвѣстно; я готовъ даже сдѣлать упрекъ ей, что Пушкинъ здѣсь слишкомъ уже заслоняетъ нашихъ послѣдующихъ выдающихся писателей. Стоя въ послѣднее время близко къ нашимъ низшимъ учебнымъ заведеніямъ, могу засвидѣтельствовать, что и здѣсь Пушкинъ является любимѣйшимъ и популярнѣйшимъ писателемъ. И, если оправдается когда-либо упованіе Пушкина:

«Служь обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ»,

— этимъ Россія и Пушкинъ болѣе всего обязаны будутъ учителямъ народныхъ училищъ. Путемъ какъ-бы волосныхъ сосудовъ происходитъ, благодаря имъ, проникновеніе въ народъ сочиненій великаго поэта. Если имя его еще недостаточно извѣстно его народу — что дѣлать: это недостатокъ не одного юга. Полтора мѣсяца назадъ я съ однимъ знакомымъ отправился въ Петербургъ искать мѣсто роковой дуэли Пушкина. Не зная этого мѣста, мы разспрашивали о немъ и полицію, и мѣстныхъ сторожей, и вообще всякаго встрѣчнаго, по крайней мѣрѣ чело-вѣкъ 20, и могли убѣдиться, что ни для одного изъ нихъ слово «Пушкинъ» не зазвучало чѣмъ-то знакомымъ, близкимъ. И лишь культурный прохожій вывелъ насъ изъ затрудненія, указавъ намъ дорогу къ болоту, гдѣ стоитъ маленькій столбикъ съ плохимъ гипсовымъ бюстикомъ Пушкина, смотрящаго на скачки и на тотализаторъ! Мнѣ не было стыдно за Одессу!

Будемъ надѣяться, что празднества, подобныя нынѣшнему, тоже явятся прекраснымъ средствомъ привлечь народъ къ имени Пушкина, а послѣ того и къ его сочиненіямъ.

Нашъ югъ все еще принято почему-то считать не вполне Россіей. Отъ Одессы не отстаютъ репутація нерусскаго города. Но, если принадлежность къ націи опредѣляется самосознаніемъ, то Одесса, какъ и весь югъ, давно доказали свою русскую національность, и рядъ пушкинскихъ празднествъ явился луч-

шимъ показателемъ этого. Если-же этого мало и для нашего юга, съ Одессою включительно, еще предстоитъ работа, чтобы примкнуть къ русской національности, то единственнымъ способомъ явится распространение здѣсь великихъ произведеній русскаго національнаго генія и, можетъ быть, всего раньше Пушкина. Какъ ни громадно уже его значеніе въ настоящее время, но истинная миссія его выполнится лишь тогда, когда всѣ многочисленные жители Россіи сознательно и свободно признають Пушкина своимъ великимъ поэтомъ.

1799—1899.

ПУШКИНСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ

26—27 мая 1899 г.

СБОРНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета.

Съ четырьмя фототипическими снимками.

ОДЕССА.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ» ТИПОГРАФІЯ, ПОЧТОВАЯ, № 43.
1900.